

6+

Елена Савуш

Крылья для двоих

История о вере, дружбе и силе духа, которые дают крылья

Елена Савуш

**Крылья для двоих. История
о дружбе и силе духа,
которые дают крылья**

«Издательские решения»

Савуш Е.

Крылья для двоих. История о дружбе и силе духа, которые дают крылья / Е. Савуш — «Издательские решения»,

Мир дворянской усадьбы конца XIX века. Главные герои — девочка Ника, потерявшая способность ходить, и птенец Отважный, рождённый слабым и непригодным к полётам. Ника решает, наперекор всеобщему мнению, вырастить из неказистого птенца чемпиона голубиных гонок. Вместе они докажут: чудеса случаются там, где не сдаются.

© Савуш Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Отважный и Ника	6
Глава 2: Лечу!	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Крылья для двоих История о дружбе и силе духа, которые дают крылья

Елена Савуш

© Елена Савуш, 2026

ISBN 978-5-0071-0737-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Отважный и Ника

Солнце едва показалось над горизонтом, а его первые лучи уже проникли сквозь узкие щели в деревянных стенах и залили голубятню нежным сиянием. В воздухе пахло высушенным сеном, потемневшем от времени деревом и птичьим пухом. Пылинки, подхваченные утренним светом, плавно кружили в воздухе и было слышно, как потрескивает на солнце старая балка. Внезапно покой разорвал сухой треск: в трех разных кладках, почти одновременно, стала лопаться скорлупа.

Из яйца в первой клетке выбрался плотный птенец — настоящий крепыш с широкой грудкой. С недовольной гримасой скovyрнув с себя остатки скорлупы и оглядев мир требовательным взглядом, он расправил мокрые крылья и зашёлся капризным криком, топоча ещё слабыми лапками:

— Есть хочу! Есть!

Его мать, статная голубка, с восторгом прижала малыша к себе.

— Красавец мой! Настоящий силач! — нежно ворковала она, переполненная счастьем и гордостью.

Крепыш недовольно отпихивался влажными крыльями.

— Есть хочу! Еда-а-а! — громко пищал он.

Во второй клетке всё было иначе: тяжёлая тишина и полумрак. Изящная, но печальная голубка держалась в стороне от единственного яйца. Оно выглядело тусклым, безжизненным. Она тоскливо глядела на него, беспокойно переминаясь с лапки на лапку, но никак не могла заставить себя подойти ближе. Едва слышное воркование звучало как скорбное прощание с жизнью, которая так и не смогла пробудиться.

А в третьей клетке с утончённой грацией, без суеты, из треснувшего яйца появилась голубка. В каждом её движении было природное изящество и спокойная уверенность. Вместо громкого крика она издала нежный, мелодичный писк — похожий на звон хрустального колокольчика.

Завидев её, Крепыш перестал капризничать. Он приосанился, стараясь распушить жалкий пушок на груди. Но Горlinkа лишь мельком взглянула на неуклюжего соседа, равнодушно отвернувшись и спокойно принялась отряхиваться.

Тем временем печальная голубка обняла яйцо крыльями, прижимаясь к безмолвной скорлупе. И тут случилось чудо: сквозь тонкую стенку с макушки яйца пробился золотистый свет — едва заметный, но с каждой секундой всё ярче. Внутри упрямо разгоралась искорка.

Затем последовал робкий треск, похожий на хруст первой льдинки под ногой. Слабая, едва заметная трещина пробежала по матовой поверхности скорлупы. Голубка отпрянула, не веря своим глазам, и склонила голову набок, прислушиваясь. Новый треск — громкий и напористый. Трещина становилась длиннее.

Все взгляды в голубятне — и взрослых, и молодых — обратились к яйцу. Всех мучил один вопрос: кто же вылупится у именитой пары — победителей многих соревнований, гордости голубятни? Чьи крылья разрежут воздух быстрее ветра, чьи имена были выгравированы на почётных табличках. Такой же быстрый, сильный, как родители? Будущий чемпион голубятни, которому суждено продолжить славную династию?

Даже Крепыш, сидя с пригоршней зёрен в крыле, замер с открытым клювом, забыв про еду. Даже Горlinkа повернула изящную головку и заворожённо смотрела.

Внутри яйца скорлупа пошла густой сетью трещин. Сквозь них вырывались лучи света, заполняя пространство ослепительным сиянием. Казалось, яйцо разрывается изнутри, чтобы выпустить на волю чудо.

И чудо случилось.

С влажным шлепком из яйца вывалился нескладный птенец с непропорционально большой головой на тонкой шейке. Его лапки совсем не хотели слушаться. Он был намного меньше здоровяка Крепыша и уж тем более уступал в грации Горлинке. Птенец беспомощно упал на животик, а когда попытался встать, неловко завалился на бок.

Он издал звук — не требовательный крик Крепыша и не мелодичное воркование Горлинки, а тоненький писк.

— Я здесь! — раздался его голосок.

Он изо всех сил напряг лапки-тростинки, но они разъехались, опять уронив его. Однако птенец упрямо взмахнул крылышками и поднатужился в попытке встать.

Горlinka деликатно прикрыла изящный клюв крылом, чтобы скрыть хихиканье. Её глаза сверкали озорством. Она грациозно повела головой, словно говоря: «Ну надо же, какое убожество».

Взрослые голуби на насестах обменивались многозначительными взглядами, и по голубятне прокатилась волна смешков, едкого шёпота.

— Какой хилый... — сказал чей-то голос, полный снисходительной жалости. — Кости да кожа, крылья как тряпочки.

— И это сын Чемпиона?! — возмутился другой голос, в котором звучало искреннее негодование. — Как у таких родителей мог родиться такой... такой...

— Уродец? — подсказал третий, не скрывая ехидства.

— Бедная пара, — посочувствовала старая голубка, качая головой. — Они ждали чемпиона, а получили...

Она не договорила, но все и так поняли. Шёпот становился громче, смешки всё настойчивее. Голубятня, ещё минуту назад затаившая дыхание в ожидании чуда, теперь встревоженно гудела от пересудов.

Прекрасная голубка — мать новорождённого — глядела на сына с растерянностью, в которой сквозила тихая жалость. Она не прижала его к тёплой груди, не кинулась кормить и укрывать от чужих взглядов. Вместо этого застыла, не сводя глаз с хрупкого создания. В её глазах читался вопрос: «Почему он такой?» Крыло дрогнуло, но так и не опустилось на малыша.

А птенец не замечал ни насмешек, ни материнской растерянности. Он собрался с силами и снова вскарабкался на тонкие лапки, шатаясь, как кораблик во время шторма. Два шажка влево. Три шажка вправо, и вот он уже возле открытой дверцы клетки. Мать наконец встрепенулась.

— Осторожно! — Она встревоженно бросилась вперёд и попыталась подхватить его распахнутым крылом. — Стой!

Но поздно.

Птенец качнулся, нелепо забил по воздуху крылышками, и кубарем вывалился из клетки в пустоту.

Кто-то не сдержал испуганного вздоха, кто-то прикрыл глаза крылом. Все в голубятне притихли, наблюдая за стремительным падением. Крепыш напрочь забыл про голод. Он ужасом смотрел, как крохотный комочек стремительно летит вниз, отчаянно молотя крошечными, ещё мокрыми крыльями. Мимо проносились балки, чужие гнёзда, перепуганные голуби.

Казалось, беды не избежать: вот-вот прозвучит глухой удар. Голуби уже закрывали глаза, не желая видеть финал. Но судьба в этот ранний час распорядилась иначе.

Дело в том, что это утро было особым. Ровно сутки назад в губернском городе Х, находящемся в шестьсот вёрст от родовой усадьбы Корачаевых, произошло событие, которого ждали многие месяцы, — ежегодные соревнования голубей на дальность и скорость. И ровно в полдень предыдущего дня по сигналу стартового рожка в воздух одновременно поднялись не менее трёхсот голубей со всей губернии. Три сотни крыльев взметнулись в небо, созда-

вая облако трепещущих тел и перьев. Зрелище вышло воистину грандиозным: разноцветная лавина взлетела и вмиг разлетелась во все стороны, каждая к своему дому.

И среди этой армады был тот, чьё имя гремело по всей губернии, — Чемпион. Его знали все: от мелких дворян до крупных помещиков, от городских голубятников до деревенских мальчишек, задиравших головы к небу. Не просто голубь — он был воплощением силы, выносливости и аристократической красоты. Широкая грудь, мощные крылья, способные нести сквозь ветер и дождь, глаза — острые, как у сокола. Он никогда не сбивался с пути, не поддавался усталости и всегда возвращался первым.

Сделав круг над местом старта, словно демонстрируя соперникам своё превосходство, Чемпион с царским размахом расправил могучие крылья и уверенно взял курс домой на шестьсот вёрст к юго-востоку, где ждала родная голубятня.

Он летел всю ночь: не останавливался на отдых, не искал корма, не сворачивал с курса, даже когда небо заволокло тучами и начал накрапывать холодный дождь. Он летел сквозь тьму, ориентируясь по тому неуловимому чутью, которое даётся только истинным чемпионам.

В это утро, когда небо над усадьбой едва начинало сереть, а первые петухи ещё не допели свою утреннюю песню, десятилетняя Ника, дочка хозяина усадьбы, проснулась ни свет ни заря. Она открыла глаза, и в них, ещё сонных, уже горело нетерпение.

Ника села на постели, отбросив в сторону пуховое одеяло, протёрла кулачками глаза, прогоняя остатки сна. Взгляд тут же метнулся к окну, где за стеклом только-только начинал разгораться бледно-розовый рассвет. Она вгляделась в небо, пытаясь угадать время по цвету облаков — не проспала ли?

Не теряя времени, девочка, помогая себе руками, поочередно перекинула ноги через край кровати. Ноги были тонкими, с острыми коленками, которые постоянно мёрзли по утрам. Она набросила на плечи поверх ночной рубашки старый халат, когда-то принадлежавший матери. Халат был непомерно велик, болтался на худеньких плечах, но Ника любила его за мягкую фланель и неуловимый запах, который до сих пор хранила ткань.

Затем она подтянула к кровати инвалидное кресло на колёсах, которое неизменно стояло у изголовья. За годы службы подлокотники изрядно потёрлись, а колёса стали привычно поскрипывать, но девочка управлялась с креслом с удивительной сноровкой, будто бывалый капитан, уверенно ведущий свой корабль сквозь волны.

Ника перебралась в кресло, привычным жестом расправила полы халата — так, чтобы ткань не попала в спицы колёс. Потом протянула руку к тумбочке и взяла с неё потрёпанный блокнот в кожаном переплёте и коробку с цветными карандашами. Прижав блокнот к груди, Ника осторожно приоткрыла дверь своей комнаты.

Коридор был тёмным и прохладным. Ника знала каждый сантиметр этого пути: сколько поворотов колёс нужно сделать, чтобы объехать выступающий плинтус, где половица скрипит, а где лежит ковёр, замедляющий движение. Она катила кресло бесшумно и ловко, стараясь никого не разбудить.

Но усадьба уже просыпалась. Утренняя жизнь кипела в каждом уголке, и до слуха девочки доносились знакомые звуки. С кухни раздавался громкий, уверенный грохот посуды — это хозяйственная домработница Анфиса, крупная женщина с вечно красными от работы руками, уже вовсю гремела кастрюлями и сковородами, готовя завтрак для хозяев. В воздухе витал запах свежего хлеба и топлёного молока, смешанный с дымком из печи.

Со стороны конюшни доносилось покрикивание конюха Игната. Его голос, хриплый и прокуренный, гремел на всю округу:

— Куда прёшь, дурень?! Не видишь, конь спотыкается! Седло поправь, олух царя небесного! Вчера небось до полуночи в небо пялился, а теперь руки-крюки!

Игнат привычно ругал своего подручного — двенадцатилетнего Митьку, сироту, взятого в усадьбу на подкормку из соседней деревни. Митька был шуплым, вечно лохматым пареньком

с веснушками по всему носу. Он боялся Игната до дрожи и постоянно попадал под его горячую руку.

В усадьбе было немного людей, лишь горстка слуг да хозяин, Николай Петрович Корацаев. Он редко появлялся в доме, всё больше пропадая в городе по делам. И Митька был единственным сверстником Ники в этой пустой усадьбе. Она видела его мельком, когда он пробежал мимо её окна с ведром воды или с мешком овса, и каждый раз сердце начинало биться чаще. Щёки вспыхивали румянцем, отчаянно хотелось сказать хоть что-нибудь — пусть даже простое «здравствуй». Но слова застревали в горле, и девочка отворачивалась, притворяясь, будто рассматривает голубей в небе. Заговорить с ним ей не хватало духу.

Но даже так, она живо представила, как он переминается с ноги на ногу, пряча глаза от грозного Игната. Точь-точь как нахохленный голубь! Его худые плечи ссутулились, а щёки покраснелись от смущения. И как он бурчит какие-то оправдания:

— Да я ж, дядька Игнат... Да я... ну нечаянно, ей-богу... Я шас, я мигом поправлю...

Она даже улыбнулась, представив эту картину, но тут же тряхнула головой, отгоняя мысли. Не до Митьки сейчас.

И вот теперь кресло Ники стояло в самом центре голубятни, словно трон, с которого юная хозяйка обозревала своё пернатое королевство. Она вскинула руки навстречу летящему комочку, и он плюхнулся прямо в ладони, будто падающая звёздочка. А упав, притих, зажав бусинки-глазки.

Ника изумлённо разглядывала дрожащее тельце: как вздымается и опускается его грудка, как беспомощно подрагивают лапки.

— Какой... слабенький... — прошептала она.

Один глаз птенца приоткрылся и в нём, как грозовая туча, собралось возмущение: «Кто слабенький?»

Второй глаз распахнулся и возмущения стало в два раза больше. Преодолевая дрожь в лапках, он решительно вскарабкался в ладонях Ники и встал во весь свой мокрый, топорщащийся пушком рост.

— Я?! — грозно пискнул он.

Его забавные потуги показаться могучим вызвали у Ники залиvistый смех.

— Какой смешной и отважный! — выдохнула она сквозь смех.

Внезапно воздух за окном дрогнул от мощного, упругого хлопка крыльев. Порыв ветра прокатился по голубятне, всколыхнув солому. Ника встрепенулась, и лицо её радостно озарилось. Девочка протянула вперёд сложенные лодочкой ладони, в которых устроился пернатый найдёныш.

— Смотри! Смотри, он вернулся! — голос её искрился восторгом.

Девочка и птенец в её руках затаили дыхание, глядя в окно под крышей голубятни. Солнечный свет начал тускнеть, закрываемый стремительно растущей тенью. Силуэт ширился, и глаза птенца заполнялись изумлённым трепетом. Клювик приоткрылся, а сердечко забилося чаще: он вдруг понял, что сейчас случится невероятное.

Ослепительная вспышка пронзила воздух — блик от золотого кольца на лапе, — и в оконный проём ворвался прекрасный голубь. Он плавно описал величественный круг под самым куполом голубятни, и все птицы почтительно склонили головы, приветствуя его возвращение. Наконец, уставший, но исполненный достоинства, голубь опустил в свою клетку возле кормушки.

Птенец в ладошках Ники забыл обо всём на свете. Он смотрел на величественную птицу, устало клюющую зерно: как поправляет перья на крыле, выпрямляется во весь рост и смотрит в окно, откуда только что ворвался, словно вспоминая свой путь. Он глядел на отца, и в хрупкой грудке, где билось слабое сердечко, постепенно разгоралось горячее, пока ещё непонятное чувство.

— Пап! Папа, Чемпион вернулся! — крикнула Ника, обернувшись к дверям.

На пороге появился Николай Петрович Корачаев — статный мужчина лет сорока, с благородной проседью на висках и внимательными серыми глазами. Он был одет в простую, но добротную одежду: светлая льняная рубаша, заправленная в брюки, жилетка из мягкой замши, на ногах до блеска начищенные высокие сапоги.

Николай Петрович неторопливо приблизился к клетке, осторожно отстегнул от лапы голубя кольцо и опустил его в специальный хронометр, извлечённый из жилетного кармана. Раздался тихий, почти музыкальный щелчок — время остановило отсчёт, зафиксировав финальный результат.

Ника протянула отцу ладошки, в которых сидел Отважный.

— Пап, смотри! — голос её звенел волнением. — Он будет таким же быстрым, как Чемпион? Правда? Ну скажи!

Николай Петрович улыбнулся дочери и бережно взял птенца. Девочка с замиранием сердца следила за каждым его движением. Он развернул крылышко, осмотрел тельце, лапки, грудку...

И лицо отца начало меняться. Уголки его губ опустились, между бровей пролегла тонкая, едва заметная морщинка.

Ника почувствовала, как внутри всё сжалось. Она знала этот взгляд. Не раз видела: так он смотрит на больных животных, так смотрит на её безжизненные ноги и так смотрел, когда не стало мамы...

Николай Петрович провёл пальцем по хилому крылышку птенца, а затем отвёл взгляд, не в силах смотреть в глаза дочери.

— Хороший голубок, Ника... — сказал он мягко. — Очень хороший... У него будет славная жизнь. Но сейчас ему нужно в гнездо. К маме. Он ещё слабенький. Ему нужно окрепнуть.

Он не сказал того, что думал на самом деле: не сказал, что крылья птенца слишком тонкие, грудка узкая, а лапки слабые; не сказал, что птенец вряд ли сможет подняться в воздух, а уж тем более стать чемпионом; не сказал, что природа иногда ошибается и этот пернатый комочек — одна из таких ошибок. Он просто аккуратно опустил его обратно в клетку, к матери. Её крыло сразу распахнулось и укрыло птенца, прижимая к тёплому, пушистому животу. Голубка заворковала негромко и нежно, словно извиняясь за то, что не сразу приняла его.

— Пойдём, — сказал Николай Петрович. — Нам пора. Ты ещё не завтракала.

Он развернул кресло, выкатил его из голубятни и колёса бесшумно покатались по мягкой траве. Ника оглянулась: голубятня постепенно отдалялась.

День пролетел незаметно, сотканный из тихих разговоров и повседневных забот. Ника провела его в своей комнате у окна, откуда была видна голубятня. Она рисовала — снова и снова пыталась запечатлеть на бумаге миг, когда птенец оказался в её ладонях.

Рисовала чёрные уголки глаз, в которых горел вызов. Рисовала расправленные крылышки и ту гримасу негодования, с которой он пискнул: «Я?!».

Ластик стирал неудачные линии, бумага покрывалась новыми штрихами, но Ника упорно продолжала, стремясь передать искру, которую увидела в этом смешном комочке. Иногда девочка отрывалась от рисунка и смотрела в окно на голубятню, представляя, как птенец копошится в гнезде под крылом матери. Хотелось бежать туда, но она знала, что отец прав: птенцу нужно время, чтобы окрепнуть.

Когда солнце скрылось за горизонтом, усадьба погрузилась в особую тишину, которая бывает в старых деревенских домах. Потрескивали половицы, остывая после дневного тепла. Тикали часы в гостиной. Где-то в конюшне фыркала лошадь.

Лунный свет серебряной дорожкой падал на бледное лицо спящей Ники. Сон её был тревожным. Тонкие пальцы судорожно сжимали рисунок, прижимая его к груди, брови чуть

нахмурились, а губы шевелились. Тело вздрагивало: иногда крупно и резко, иногда чуть заметно.

Нике снился тот самый сон, который неизменно возвращался к ней. Она вновь была шестилетней девочкой: тот же вагон поезда, тот же залитый солнцем день и та же безмятежная радость, которая через мгновение исчезнет...

Солнце лилось в купе поезда золотым потоком: плясало на клетчатых занавесках, отражалось в стакане чая с серебряным подстаканником, переливалось на стеклянной поверхности столика, играло на счастливом лице маленькой Ники.

Шесть лет — возраст, когда мир кажется огромным и прекрасным, когда веришь в чудеса и когда кажется, что так будет всегда. Она сидела у окна, прильнув к стеклу и расплющив носик — он стал совсем плоским и смешным.

— Мама! Мама! Смотри, в небе змейка летит! — голос звенел детским восторгом. Она тыкала пальцем в стекло, пытаясь показать матери невероятное зрелище. — Большая-пребольшая! И хвост у неё длинный-предлинный! Наверное, хочет поймать облачко!

Рядом сидела мама — молодая, красивая, с густыми каштановыми волосами, от которых пахло лавандой. Она была похожа на светлого и доброго ангела с картины из старой церкви. Она улыбалась.

Напротив устроился отец — тогда ещё без седины, с густой тёмной шевелюрой и лёгкой, чуть лукавой улыбкой на губах. Он притворно уткнулся в газету, делая вид, что читает, но Ника знала: он следит за ней. Она чувствовала его взгляд. Он часто так делал: притворялся занятым, а сам смотрел на неё и маму.

— Ника, ну сколько можно фантазировать? — рассмеялась мама, притягивая дочь к себе и чмокая в макушку. — Какая ещё змейка, глупышка? Это облако.

— Нет, мама! — возмутилась Ника, вырываясь из объятий и снова приникая к стеклу. — У неё голова есть! И хвост! Мама, а облака ватные? — вдруг спросила она, повернувшись к матери с горящими любопытством глазами. — Если прыгнуть на них, можно упасть?

Мама рассмеялась, заправляя выбившуюся прядь волос дочери за ухо.

— Можно, если очень высоко забраться, — сказала она, обнимая дочь и прижимая к себе. — Но я всегда тебя поймаю.

Отец оторвался от газеты.

— Мы поймаем тебя, дочка, — сказал он твёрдо. Взгляд его был полон бесконечной любви и нежности. — Вместе.

А потом — оглушительный грохот, скрежет металла. Вагон содрогнулся, и его швырнуло в сторону. Всё перевернулось: небо и земля поменялись местами. Чемоданы, аккуратно сложенные на верхней полке, взлетели в воздух. Стёкла разбились с пронзительным звоном.

Лицо отца исказилось криком, но что он кричал, Ника не слышала. Только видела, как он протягивает к ней руки, пытаясь дотянуться, но какая-то невидимая сила отбросила его назад.

И тогда мама — её лицо внезапно стало близким-близким — закрыла собой весь свет. Мамины руки сжались с невероятной силой, заключив Нику в отчаянные объятия. Последнее, что девочка увидела, — мамины глаза. В них была какая-то нечеловеческая решимость.

А потом — тишина.

— Мама!

Ника с криком вырвалась из сна, распахнула глаза и застыла. Над ней, в лунном сиянии, струившемся через неплотно задёрнутые шторы, витало что-то неуловимое: запах лаванды, ощущение тепла, таявшего, как утренний туман под первыми лучами солнца.

— Мама... — прошептала она.

Потянулась рукой. Казалось — ещё секунда, и она коснётся, услышит голос. Но стоило пальцам дрогнуть и всё растаяло. Осталась пустота: лунный свет да тени на шторах.

Ника резко села в кровати. Рисунок скользнул по одеялу и спланировал обратной стороной вверх на пол.

Дверь приоткрылась. В комнату быстро вошёл отец в наспех накинутом халате поверх ночной рубашки, с всклокоченными после сна волосами. Разбуженный криком, он даже тапки не надел. Стоял босиком на холодном деревянном полу, обеспокоенно вглядываясь в лицо дочери.

Николай Петрович приблизился, опустился на край кровати — и матрас прогнулся под его тяжестью. Лунный свет осветил его лицо: глубокие морщины, ставшие заметнее в последние годы, седину на висках, появившуюся после той страшной катастрофы, и встревоженные глаза.

— Ника... — голос его был хриплым. — Опять сон?

Ника не ответила. Он хотел было провести рукой по её волосам, но девочка на миг замерла и чуть отстранилась. Рука Николая Петровича повисла в воздухе, а затем опустилась, так и не коснувшись дочери.

Заметив, что дочь смотрит на рисунок, Николай Петрович наклонился и подобрал листок. На бумаге была нарисована семья: Ника, мама и папа — все улыбаются. Мама держит девочку за руку, а ноги Ники твёрдо стоят на зелёной траве, сильные и здоровые.

Его лицо дрогнуло — гримаса боли смешалась с чувством вины. Он поспешил скрыть бурю эмоций за привычной маской спокойствия. Аккуратно положил рисунок на тумбочку и произнёс, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Спи, дочка.

Потом встал, направился к двери, но в проёме остановился и сказал в темноту:

— Я не смогу её заменить. Но знай: ты не одна.

И вышел, прикрыв за собой дверь.

Ника взяла рисунок с тумбочки, долго вглядывалась в три улыбающихся лица и провела пальцем по нарисованной зелёной траве.

В это же время Отважный жался к тёплому боку матери. Его чуткий слух улавливал перешёптывания за стенками клетки. Голоса других голубей не ведали пощады:

— Слабый... Хилый... Не жилец... Не чета отцу...

Мать виновато прижала голову к сыну, но он лишь крепче зажмурился, вглядываясь в ослепительный свет за закрытыми веками. Там парила огромная тень с царским размахом крыльев.

И тогда птенец пискнул наперекор невидимым голосам:

— Я полечу! Я стану чемпионом!

Глава 2: Лечу!

С тех пор прошли три недели, которые растянулись для Ники в бесконечную череду тихих наблюдений. В этот очередной летний день голубятня была полна привычных звуков. Здесь, под старой деревянной крышей, всегда было шумно и живо. Повсюду лилось воркование, похожее на монотонный гул. Оно доносилось из каждой клетки, с каждой жёрдочки, где сидели голуби, занятые своими важными делами. Одни кормили птенцов, другие чистили перья, третьи просто сидели, прикрыв глаза, и наслаждались теплом, просачивавшимся сквозь щели в дощатых стенах.

Шорох крыльев добавлял в эту симфонию новые ноты: то мягкие, почти шелестящие, когда птицы перебирались с места на место, то резкие и упругие, когда кто-то взлетал на верхние насесты или спускался к кормушке.

А ещё — перестук клювов. Он ритмично вплетался в эти звуки, создавая ощущение постоянного круговорота забот и радостей.

В углу голубятни, на разошедшей от времени табуретке, по обыкновению дремал Смотритель. Никто уже и не вспоминал, как его звали на самом деле. Он был невероятно худым. Казалось, что лёгкий порыв ветра мог запросто сдунуть его с табуретки, словно сухую щепку. На нём был старый кафтан, когда-то тёмно-синий, а теперь выцветший до оттенка сизого голубино пера. Кожу лица покрывала сеть глубоких морщин, а над глазами нависали густые белые брови, отчего даже во сне он выглядел суровым и хмурым. Но впечатление было обманчивым. Смотритель был удивительно добрым, и голуби прекрасно это знали. Они без опаски усаживались ему на плечи и руки, а он никогда их не прогонял — лишь улыбался беззубым ртом и тихонько ворковал в ответ.

В руке он неизменно держал длинную клюку — такую же древнюю, как и он сам: чёрное дерево, отполированное годами до блеска, венчал набалдашник с искусной резьбой летящих голубей. Ходили слухи, что эту клюку он сделал ещё в молодости, когда пришёл работать в усадьбу, и с тех пор никогда с ней не расставался.

Отважный за это время малость подрос, но по-прежнему отставал от сверстников. Его пёрышки не лежали гладко и не блестели, как у других птенцов, а топорщились. Крылья тоже были несуразно мелкими и выглядели слишком слабыми даже для его тельца. Он часто расправлял их, пробуя неуклюже махать. Другие птенцы уже вовсю перепархивали с жёрдочки на жёрдочку, а он только учился держать равновесие — постоянно падал, нелепо шлёпаясь на солому.

Сейчас он с восхищением смотрел на Чемпиона: тот важно расхаживал по своей жёрдочке, и каждое его движение было исполнено достоинства и силы. Но вскоре взгляд птенца невольно отвлёкся на соседний насест.

Там Крепыш надувал зоб перед хорошенькой Горлицей. И без того широкая для его возраста грудь стала похожа на надутый шарик. Он выпячивал её вперёд, пытаясь казаться больше.

— ...И тогда я сказал тому воробью... — Крепыш говорил самодовольно и пренебрежительно кивнул в сторону Отважного. — Я могу горсть зёрен за раз склевать! А ты?

Горлица вежливо кивнула, но взгляд её блуждал в солнечных лучах, пробивавшихся сквозь пыльный воздух. Она слегка зевнула, прикрыв клюв белоснежным крылом, и принялась тщательно чистить безупречно гладкое пёрышко. Ей было скучно.

Отважный не выдержал. Он вскочил, раскинул жидкие крылышки и попытался принять такую же гордую позу, как у отца. Но крылья болтались тряпичными лоскутами, и весь его вид вызывал не трепет, а улыбку.

— А я скоро полечу! — крикнул он громко, чтобы все слышали. — Да так полечу — всех обгону! Чемпионом стану!

В голубятне воцарилась тишина. Все головы повернулись к нему. Крепыш застыл с открытым клювом.

— Кто? Ты? — Крепыш фыркнул, а потом расхохотался. — Ты на лапах-то еле стоишь, а туда же — «полечу»! Тебя ветром сдует, как только высунешь клюв из голубятни! Ха-ха-ха! Слыхали? Чемпион!

Волна смеха прокатилась среди голубей. Кто-то прыснул в крыло, кто-то закатился звонким издевательским хохотом. Горлица смотрела на Отважного с любопытством и лёгкой жалостью. Она не смеялась — была слишком изысканна для таких грубых проявлений. Но в её взгляде читалось то же, что и у других: «Какой смешной. Неужели и правда верит в то, что говорит?»

— А вот увидите! — бросил Отважный обиженно.

На отдельной, чуть возвышающейся жёрдочке чинно восседал Учитель — старый голубь, чья некогда серебристо-сизая окраска поблекла от времени. На голове у него красовался забавный хохолок, из-за чего казалось, что он вечно пребывает в глубоком раздумье.

Он сидел неподвижно, будто дремал, подставив бок тёплому солнечному лучу. Рядом нагло кружили две мухи. Одна из них, осмелев, уселась ему на клюв и принялась деловито чистить лапки.

Внезапно — стремительный взмах крыла. Муха, только что по-королевски восседавшая на клюве, кубарем отлетела к стене, а потом сползла по ней, оставляя едва заметный след.

— Деточка, — произнёс Учитель с лёгкой снисходительностью. — Для полёта сила нужна...

Он умолк, и вокруг мгновенно наступила тишина: все прислушивались к его словам.

Учитель приоткрыл один глаз и внимательно оглядел Отважного, задержав взгляд на его пушке.

— Только сила разная бывает. В крыльях, в груди... А у тебя... — он вновь закрыл глаз, — ...один пух.

Отважный, отчаянно пытаясь доказать обратное, так надулся изо всех сил, что пушок на груди встал дыбом.

— Я сильный! — выкрикнул он.

В ответ раздался громкий безжалостный смех. Крепыш заливался громче всех, сотрясаясь всем телом. Горлица тоже смотрела на Отважного, но в её глазах было что-то похожее на сочувствие.

Внизу, в своём кресле, сидела Ника. На коленях у неё лежал небольшой альбом для рисования, который всегда брала с собой в голубятню. Рядом, на специальной подставке, прикреплённой к подлокотнику кресла, стояла коробка с цветными карандашами: аккуратно отсортированными, с заточенными кончиками.

Девочка то и дело поднимала голову, наблюдая за вознёй птенцов, и быстрые лёгкие штрихи ложились на бумагу: вот Крепыш, раздувающий зоб перед Горлицей, вот Учитель, восседающий на возвышающейся жёрдочке, а вот Отважный — нелепый, упрямый комочек пуха.

А Отважный, разгорячённый собственными словами и чужими насмешками, решительно шагнул к краю гнезда. Но, глянув вниз, растерялся: внизу зияла устрашающая высота.

— Я — сын Чемпиона, — прошептал он себе. — Я должен. Я могу. Лечу!

Он крепко зажмурился и, собрав всю свою храбрость, шагнул в пустоту, отчаянно заработав крыльями.

— ЛЕЧУ-У-У! — сорвался его голос в пронзительный писк.

Мгновение он трепыхался в воздухе, смешно перебирая лапками. Казалось, ещё чуть-чуть — и взмоет...

Но крылья подломились. Птенец рухнул вниз и с глухим стуком приземлился в кормушку. Сначала он врезался в деревянный бортик, а затем шлёпнулся в зерно, зарывшись в

него с головой. Наружу торчали только растопыренные лапки да взъерошенный, подрагивающий хвостик.

— Немножечко не рассчитал поворот, — приглушённо донёсся из-под зерна смущённый писк.

Крепыш и его компания на жёрдочке буквально падали от смеха. Кто-то свесился вниз, чтобы лучше разглядеть упавшего, и весь насест ходил ходуном от хохота.

— Ой, не могу! — смеялся Крепыш, вытирая слёзы крылом. — «Лечу»! Шлёп — и прилетел! Ключом вниз приземлился!

Отважный с трудом выбрался из кормушки, отплёвываясь от лузги и стряхивая прилипшие зёрна. Глаза его горели упрямством. В них не было уныния.

Внизу Ника прикрыла рот ладошкой, сдерживая улыбку. Она покачала головой, глядя на настырного птенца, отказывавшегося признавать поражение. Отважный снова карабкался наверх. Он запыхался, перья растрепались ещё сильнее, но он опять встал на краю гнезда.

— Это была разминка! — крикнул птенец громко. — Сейчас по-настоящему!

Он снова прыгнул, отчаянно молотя крыльями по воздуху.

— ЛЕЧУ!

Шлёп! — и шмякнулся на соломенный настил пола, прямо рядом с колесом кресла Ники. А упав, сразу вскочил, встряхнул помятые перья и зашагал прочь с таким видом, будто всё шло по плану.

— Я... это... тренирую посадку, — слегка прихрамывая бормотал он. — Чемпионы всегда тренируют посадку.

Крепыш и его компания уже не просто смеялись — они откровенно издевались, свешиваясь с жёрдочек и осыпая его насмешками.

Отважный доковылял до кормушки, где Чемпион степенно клевал отборное зерно. Рядом почтительно стояли два взрослых голубя.

— Шестьсот километров за девять часов! — восхищённо выдохнул один. — Это рекорд!

— Скорость, выносливость, ориентация... — подхватил второй, покачивая головой от изумления.

Чемпион скромно, но с достоинством кивнул, продолжая клевать. Он был выше пустых восторгов и разговоров. Отважный с обожанием посмотрел на отца снизу вверх.

— Папа... — голос его дрогнул. — А я тоже так смогу? Я пока падаю, но я...

Чемпион бросил на него быстрый взгляд — такой же, как смотрят на пустую кормушку, — и отвернулся. Взрослые голуби многозначительно переглянулись. Отважный вдруг почувствовал себя крошечным и очень-очень одиноким. Он растерялся, не зная, куда деть глаза.

И тут совсем рядом послышалось мягкое воркование. К нему несмело подошла Горlinkка. Белоснежная голубка склонила головку и аккуратно поправила клювом одно из его взъерошенных пёрышек. Отважный скинул на неё изумлённые глаза.

Горlinkка тут же смутилась, поспешно отвернулась и отошла, старательно делая вид, будто её страшно заинтересовало собственное крыло.

Внизу за этой сценой с грустью наблюдала Ника. Она провела ладонью по холодному ободу колеса своего кресла, и пальцы её едва заметно дрожали.

Отважный тем временем снова карабкался наверх: цеплялся коготками за деревянные жёрдочки, подтягивался на слабых крыльях, падал, снова вставал и упрямо лез. На этот раз его целью было открытое окно, откуда веял свежий упругий ветерок, пахнувший полем и бескрайним небом.

Добравшись, он глянул вниз и сердце забилося чаще. Мир с высоты выглядел совсем иначе: зелёный, золотой, синий. Он жил и дышал. Пугающая, но прекрасная высота!

— Там настоящее небо, — твёрдо прошептал он сам себе. — Летать надо в небе...

Ника встревожилась, заметив его манёвр. Она протянула руку вверх, будто могла дотянуться до птенца и обеспокоенно крикнула:

— Эй, маленький! Не смей! Ты же ещё не умеешь! Тебе рано!

Но Отважный, слишком занятый своей великой целью, выпрямился во весь малый рост, выпятил грудь, насколько это было возможно, и поднял голову высоко-высоко — как делал его отец, когда готовился к взлёту.

— Я — сын Чемпиона! — торжественно произнёс он. — Большое небо ждёт меня!

Учитель по-прежнему сидел с закрытыми глазами. И вдруг — резкий взмах крылом. Щёлк! Вторая муха, описав в воздухе причудливую дугу, врезалась в спину Отважного.

Удар был несильным, но вполне ощутимым. Отважный испуганно пискнул, в панике замахал крылышками, и вывалился из окна наружу.

— Нет! — вскрикнула Ника. Карандаш выскользнул из её пальцев и покатился по полу.

Учитель чуть приоткрыл глаз и негромко произнёс:

— Падать — тоже наука, малыш.

Ветер подхватил Отважного, закрутил вверх тормашками и швырнул вниз. Крылья птенца беспомощно трепетали. Мир кувыркался перед глазами: небо — земля, крыша конюшни — снова небо, снова земля... Перья разлетались во все стороны. Он кубарем падал вниз, мелькая среди веток деревьев и кричал:

— Лечу-у-у... лечу-у-у!

С глухим «бум!» он рухнул в кучу сухой соломы. Наступила тишина. Долго ничего не происходило. Наконец солома зашевелилась. Из неё показался хвостик, за ним, цепляясь за соломинки, вылезли тоненькие лапки, потом расправились крылышки — одно, второе. И вскоре птенец неуклюже выбрался наружу, растерянно моргая. Где он очутился?

Кто-то глубоко и протяжно вздохнул прямо над его головой.

Отважный замер. Перед ним возвышалась огромная лошадиная нога, подбитая подковой. С замиранием сердца он задира голову выше и выше, пока не увидел старенькую пони. Она с любопытством раздувала влажные ноздри, принимаясь к неожиданному пернатому гостю. Её большие тёмные глаза с длинными ресницами смотрели на птенца с мягким любопытством. Пони наклонила голову ниже, чтобы получше рассмотреть его, и тёплое дыхание коснулось пуха Отважного.

Птенец пискнул, рванул в сторону, и снова шлёпнулся в солому. Вокруг был другой мир — мир травы и больших животных. Мир, в котором он был даже меньше, чем казался себе.

Тяжёлые шаги слышались из-за угла конюшни, следом показалась кряжистая фигура конюха Игната. Он нёс охапку сбруи, а его стоптанные сапоги, покрытые засохшей грязью, глухо постукивали по утрамбованной земле. Из-под густых бровей сверкали колючие глаза.

Игнат заметил возню в соломе, остановился и сощурил глаза так, что они превратились в узкие щёлочки.

— Ишь ты... — протянул он хрипло, с нехорошим интересом. — Голубь!

Он швырнул сбрую на землю — та глухо звякнула железом — и вразвалочку приблизился. Отважный задрал голову, глядя на внушительную фигуру в сапогах, заслоняющую само небо.

— Я... — пискнул Отважный, пытаясь придать голосу храбрости, — я сын Чемпиона! Я тут тренируюсь!

Игнат наклонился, упёршись руками в колени, и презрительно уставился на взъерошенного птенца. Кривая усмешка расползлась по его грубому лицу.

— Тоже мне, летун... — процедил он сквозь зубы. — Доходяга драный. Только под ногами путаешься.

Он воровато оглянулся по сторонам — никого. Ухмылка стала шире. Игнат медленно занёс ногу в тяжёлом сапоге над Отважным. Птенец сжался под нависающей над ним громад-

ной подошвой. Но в миг, когда нога двинулась вниз, из тени конюшни вылетело ржавое ведро и с глухим стуком врезалось Игнату в бок. Тот на мгновение потерял равновесие, и нога замерла в воздухе.

— Что за... — прорычал конюх, но не успел договорить.

Из той же тени вихрем вылетел Митька и бросился плашмя, растянувшись в прыжке прямо в солому. В последнюю долю секунды его ладони сомкнулись домиком над Отважным, накрывая птенца от надвигающейся подошвы.

Сапог Игната с тяжёлым хрустом опустился на руки Митьки. Мальчик скривился от боли, закусил губу, но не издал ни звука — только сильнее сжал ладони.

Игнат уставился вниз. Как это так: тощий безродный парнишка вдруг осмелел?!

— Убери руки, щенок! — взревел он, давя всей тяжестью на руки. — Раздавлю!

Митька молча смотрел снизу вверх. В его глазах, несмотря на страх, читалось упрямство. Поняв, что мальчишка не собирается уступать, Игнат отдёргнул ногу, оглянулся, сорвал с крюка на стене конюшни плетёный хлыст и тот со свистом разрезал воздух.

— Научу старших слушаться! — прорычал он, замахиваясь.

Митька зажмурился, ещё сильнее сомкнул ладони, вжал голову в плечи. И вдруг в воздухе зазвенел звонкий голос:

— Прекрати!

Игнат и Митька разом обернулись. Хлыст так и не успел опуститься, а рука конюха невольно дрогнула — он увидел, кто стоит у входа.

Там, где утоптанная земля переходила в дорожку, стояло инвалидное кресло. В нём сидела Ника. Она тяжело дышала, словно только что преодолела огромное расстояние и каждый метр этого пути дался ей с боем. Волосы растрепались, на лбу выступила испарина.

Игнат медленно опустил хлыст. На его грубом лице мелькнула растерянность, но лишь на миг, и тотчас сменилась угодливой ухмылкой.

— А, барышня... — процедил он сквозь зубы. — Вы бы ехали отсюда. Тут лошади, грязь... Не место вам здесь.

Ника не ответила. Она смотрела на сжатые ладони Митьки, из-под которых торчал хвостик Отважного. Потом перевела гневный взгляд на хлыст в руке Игната. Голос девочки дрожал, но звучал твёрдо:

— Я папе расскажу!

Игнат скривился, словно от зубной боли, но убрал хлыст обратно на крюк. После нагнулся и подобрал с земли брошенную сбрую.

— Тьфу ты... — проворчал он, уже отворачиваясь. — Связался с мелюзгой... Некогда мне с вами...

Он ушёл вразвалочку, но заметно быстрее обычного, торопясь скрыться за углом конюшни. Митька осторожно разжал ладони, холодея от страха: вдруг он невольно раздавил птенца и теперь под его пальцами безжизненное тельце?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.